

16+

LOVE
STORY

ЮЛИЯ

ТЕРНОВСКАЯ

Кольючее
счастье

Юлия Терновская

Колючее счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50345741

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда Женька случайно обнаружила способ влияния на своего ненавистного сводного брата Святослава, она поняла, что это её шанс! Ведь парень, по которому Евгения сохнет весь год – лучший друг Славы. И теперь братец должен сделать всё, чтобы тот заинтересовался Женькой и пригласил её на свидание...

Тогда молодые люди и представить себе не могли, как далеко их заведёт операция по соблазнению красавчика Макса с шутливым названием «Бедный Йорик»...

Смогут ли Женя и Слава дать друг другу шанс спустя годы, проведённые порознь? Осознать, что чувства живы, простить ошибки прошлого, побороть обстоятельства? Обретут ли заново своё колючее счастье?

Содержание

Пролог	4
1	8
2	15
3	20
4	24
5	30
6	39
7	49
8	60
9	65
10	69
11	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Юлия Терновская

Колючее счастье

Пролог

Наши дни

Для конца декабря погода стояла отвратительная – зима в их южные широты никак не приходила.

Сырые и туманные дни, похожие друг на друга как братья-близнецы, монотонно сменяли друг друга. Пронизывающий ветер, казалось, выстуживал тела и души людей. А те жили словно по инерции, ежедневно выполняя привычные ритуалы, всё куда-то бежали, спешили...

И даже наличие повсюду мерцающей разноцветными огнями атрибутики приближающихся праздников не добавляло ни капли тепла в окружающую действительность. Скорее даже выглядело какой-то насмешкой, чьей-то неудачной шуткой.

Сквозь слёзы дождя на оконном стекле, размытая, погружающаяся во мрак серость города казалась настолько холодной и безрадостной, что даже теплота сжимаемой в руках чашки чая не могла согреть. И настроение было под стать – в душе девушки, созерцающей унылый городской пейзаж за

окном, парадом правили хандра и уныние.

Хотя нет! Настроение под стать было ещё час назад. А сейчас... сейчас всё перевернулось с ног на голову. И стало ещё хуже.

Один телефонный звонок – и вдруг такой раздрай в душе!

Один звонок...

Разве могла она представить, что старые, казалось, давно уже затянувшиеся раны, способны вскрыться из-за одной только новости, произнесённой беззаботным голосом в трубку телефона на том конце?

Разве не считала она, что всё забыто и пережито? Что она отпустила ситуацию, не держит обид? Что ей давно уже всё равно?

Сколько лет прошло с тех пор? Почти десять... Целая жизнь. И в жизни этой было место многому. Другим происшествиям, другим эмоциям. Другим мужчинам. Но, получается, ничто не оставило в ней отпечатка большего, чем те юные, зелёные и, казалось бы, совсем не серьёзные чувства. И никто не затмил человека, так несправедливо этими чувствами распорядившегося... И каким бы иррациональным сейчас ни казалось всё происходящее, оно оставалось фактом. Истиной.

Ей было больно.

Ей снова было больно.

Возможно, это билась в агонии последняя, где-то далеко-далеко, в самом тайном уголке души запрятавшаяся на-

дежда. И вскоре суждено умереть и ей.

К лучшему...

Незачем всё это!

Незачем жить с постоянной оглядкой, незачем прятаться. Избегать встреч, обманывая даже себя, что они ей безразличны и совершенно не нужны. Пора покончить с прошлым. Пора наконец признаться себе, вывернуться наизнанку, вытряхнуть из потаённых уголков весь мусор, не дающий ей жить! Жить свободно, жить не сравнивая.

И пусть агония эта и доставляет сейчас поистине мучительные чувства, и пусть ближайшие дни только усугубят ситуацию, она твёрдо решила – она это переживёт! Она не станет больше прятаться.

От него.

И от самой себя.

Она снова посмотрит ему в глаза.

Девушка медленно опустилась и, поджав под себя ноги, села на пол. Продолжая смотреть в окно, достающее до самого пола, и сжимать в руках остывающую чашку, ещё глубже погрузилась в себя и свои мысли.

Потом внезапно вскинулась, будто вспомнив что-то важное, отставила чашку в сторону, поднялась и потратила долгих полчаса на поиски вещицы, давным-давно затерявшейся в кучах ненужного хлама в кладовой.

Несколько раз, случайно на него наткнувшись, она поры-

валась выкинуть потрёпанный, но неуловимо ценный для неё лист бумаги, но каждый раз в последний момент дрогнувшая рука не давала ей этого сделать. Она снова убирала его с глаз долой, пряча подальше и стараясь как можно скорее забыть о самом его существовании. И сейчас ей стоило немалых усилий отыскать в одной из коробок на пыльных антресолях, среди кучи бумаг, каких-то папок, старых открыток и фотографий тот самый карандашный набросок. Когда-то смятый, но потом бережно расправленный. Затем разорванный, но аккуратно склеенный. Сейчас он представлял собой довольно плачевное зрелище, но разглядеть то, что было изображено на бумаге, не составило труда.

Несколько долгих минут она, не отрывая взгляда, словно в трансе смотрела на рисунок, а затем, прихватив свою находку, вернулась к окну, не обращая внимания на оставленный после поисков беспорядок. Снова села на пол, и невидящим взглядом уставилась на потоки дождя за стеклом. Мысли её были далеко. Далеко от этого места и времени.

Мысли её вернулись в ту весну.

Как оказалось, главную весну в её жизни.

Весну, внезапно подарившую ей случайное, но такое недолгое счастье.

1

Десять лет назад

Отношения в семье Глеба и Ларисы Загорских были, что называется, образцово-показательными.

Когда два зрелых и самостоятельных человека, каждый из которых имеет свою историю в прошлом, решают создать семью – решение это, как правило, осознанное и взвешенное. И семья получается именно такой – настоящей и крепкой, строящейся на взаимоуважении и доверии.

Вот и в доме Загорских царил атмосфера понимания и снисходительности к недостаткам друг друга, и не было места склокам, мелочным выяснениям отношений, упрекам и недовольству.

Глебу и Ларисе было по тридцать шесть, когда они без праздничных излишеств расписались в местном загсе, продали свои отдельные квартирki, и приобрели общий дом в пригороде, где счастливо проживали уже несколько лет.

Глеб Алексеевич, хозяин небольшого, но приносящего стабильный доход бизнеса, был человеком спокойным и обманчиво мягким. Именно обманчиво. Потому как людям, хорошо его знавшим, была известна истинная твёрдость его характера и верность собственным принципам. Уступал силой этой твёрдости он, пожалуй, только собственной жене

– Ларисе. Которая уже много лет работала медсестрой отделения реанимации в одной из городских больниц. А при таком специфичном месте работы твёрдость являлась просто неотъемлемой частью характера. Твёрдость и знание истинной цены мелочам и подлинно важным вещам в жизни.

Про такие семьи говорят, что дом у них «полная чаша».

И действительно, даже сам дом Загорских выделялся среди остальных строений на улице. И не тем, что был больше или, может быть, солиднее на вид. Нет, это был один из многих похожих друг на друга домиков в ухоженном и относительно новом коттеджном посёлке, выстроенном на европейский манер. Но всё же он выглядел опрятнее и уютнее, чем другие строения – светлый, с крыльцом, увитым лианами глицинии, с ровно подстриженным газоном и аккуратными хвойными кустами по краям дорожек. Да и внутри всегда царил уют и порядок – так было заведено, и неукоснительно соблюдалось всеми членами семьи.

И только одно омрачало довольно размеренную жизнь старшего поколения Загорских – дети подросткового возраста, которые за несколько лет совместного проживания под одной крышей так и не смогли найти общий язык.

Евгении, дочери Глеба, оставленной ему рано ушедшей из жизни первой женой, исполнилось двенадцать, когда было положено начало его новой семьи. Святослав, сын Ларисы, также от первого брака, был почти на два года старше сводной сестры. Следовательно, спустя четыре года с памятного

дня переезда в общий дом, Женя, оканчивающая в этом году девятый класс, недавно перешагнула шестнадцатилетний рубеж, а Славе, который и вовсе собирался вскоре распрощаться со школьной скамьёй, уже летом должно было исполниться восемнадцать.

– О! Жендос, дружище, чего сияешь как начищенный пятак? На свидание собралась? Нет, куда там тебе... Дай угадаю – в музей естествознания! Нет! – Святослав картинно хлопнул себя по лбу, с грохотом приземляясь на своё место за столом. – В библиотеку!

Улыбка на лице Евгении, до этого мило ворковавшей о чём-то своём, девчачьем, с мачехой, резко сменилась выражением раздражения. Она поставила чашку с недопитым чаем на стол и поспешила покинуть кухню, демонстративно игнорируя выпады братца в свою сторону.

Придурок! Ну когда же он угомонится? Когда перестанет доставать её своими глумливыми насмешками? Как же хотелось что-нибудь ответить! Такое, что поставило бы наконец сводного брата на место. Такое... на что бы у него самого не нашлось, что сказать! Но это было невозможно – у Светика-семицветика, как называла его Женя, когда хотела позлить, всегда и на всё находился едкий ответ. В отличие от неё самой... Нет, тугодумия за собой Женька не замечала, да и глупой себя не считала, скорее даже наоборот – училась практически на отлично, была не в меру любозна-

тельна, а свободное время предпочитала провести за чтением очередной интересной книги, а не бестолково тусоваться в компании сверстников. Таких, как она, обычно ставят в пример... Но тягаться в злословии с трепачом Святославом было не-ре-аль-но! И в последнее время Женя придерживалась иной тактики поведения с братом – старалась просто-напросто игнорировать все его выпады, стремясь не срываться на банальное «сам такой», приправленное парочкой выразительных словечек.

И пусть это было нелегко, сегодня, как и всю предыдущую неделю, Евгения снова, нацепив маску безразличия на лицо, молча пропустила слова Светика мимо ушей. Может, когда-то (и желательно, чтобы это произошло как можно скорее!) ему всё-таки надоест война с пустым местом, которое она старательно продолжала изображать, и он наконец сдаться и отвяжется.

– Я ушла, – крикнула Женя, обращаясь к мачехе, хлопотавшей на кухне, надела куртку, перекинула через плечо сумку с тетрадями и вышла за порог.

– Счастливо, Женечка! – Лариса в унисон с хлопнувшей дверью с громким стуком поставила перед сыном тарелку с оладьями.

– Чего? – Слава непроизвольно вздрогнул и уставился на мать.

– Ничего, – просто ответила она.

Тонем, который не предвещал ничего хорошего.

– Когда вы прекратите этот детский сад? – как ни странно, тон сменился на более мягкий.

Устала. Наверное, опять тяжёлая смена... Но подумав об одном, вслух Святослав произнёс совсем не то, что было бы сейчас более уместно:

– Забилай свои иглушки, и не писяй в мой голсок?

За что получил несильную, но чувствительную затрещину от матери.

– Эй! Ты чего дерёшься?

– Юморист... – Лариса явно хотела добавить что-то, вроде «хренов», но сдержалась. – Совсем извёл девчонку! Поест толком не успела – убежала, лишь бы тебя не видеть. Не стыдно? Старший брат, называется...

Слава был несказанно рад завибрировавшему телефону, известившему о входящем вызове Кедре, его одноклассника и друга. Слушать очередную лекцию маман о том, какая Женечка умница, и какой он невоспитанный негодяй, определённо не хотелось. Знала бы мать, что её драгоценная падчерица может ответить ему без свидетелей...

– Извини, мам, – он скорчил умильную рожицу, сложив ладони перед собой, и выскочил из-за стола, на ходу отхлёбывая сладкий чай, и отвечая на звонок.

Лариса только покачала головой, провожая сына взглядом. И этот не поел!

– Серый, вылезай, уже подъезжаю, – раздалось в трубе

Святослава.

– Да слышу, слышу.

С улицы доносился рык приближающегося скутера Макса Кедрова, который ежедневно заезжал за другом по пути в школу.

Серым Славу называли практически все друзья. Из-за фамилии, странным образом переплавившейся в это прозвище – по отцу он был Серебряковым. И при всём уважении к Глебу, своему отчиму, фамилию менять не собирался.

– Что за шум, а драки нет?

Тем временем глава семейства Загорских неслышно спустился со второго этажа, и подошёл к супруге, стоящей у окна и провожающей взглядом сына и мальчишку Кедровых, его друга. Глеб приобнял жену со спины, доверительно положив голову на плечо.

– Опять цапаются, – вздохнула Лариса. – И не надоело самим жить как кошка с собакой? Но сегодня обошлось... Женя молодец, что старается не отвечать на Славкины провокации.

– Ага. И посуда целая, и ковёр не залит, – припомнил Глеб случай месячной давности, когда его дочь не постеснялась в присутствии родителей вылить на голову брата порцию своего утреннего чая.

И, честно говоря, несмотря на взбучку, которую он им тогда устроил, отец был даже доволен, что Евгения, пусть и та-

ким эпатажным способом, но всё же сумела за себя постоять – Святослава иногда стоило ставить на место. И пусть вечные препирательства детей были не очень приятным обстоятельством совместного существования, Глеб всё же считал, что всё это не что иное, как подростковый возраст и максимализм – придёт время, и они просто перерастут свою надуманную неприязнь друг к другу.

– Смешно тебе... – Лариса покачала головой.

– Да не переживай ты так, – Глеб развернул жену лицом к себе и уткнулся лбом в её лоб. – Не маленькие уже, разберутся.

– Нет, пора бы уже вмешаться, мне кажется. Мы и так слишком долго просто наблюдали.

– Считаешь?..

2

Женя проводила глазами ярко-красный скутер Максима, промчавшийся мимо них с Маринкой. И сокрушённо вздохнула. Это она там должна сидеть, за спиной Кедр, обхватив его за пояс руками, а не её придурок-брат...

– Слюни подбери, Загорская, – усмехнулась подруга, возвращая Женьку с небес на землю.

– Фу, как невежливо, Лисицына, – сморщилась та в ответ.

– Куда нам до вас, достопочтенная Евгения Глебовна, – Марина склонила голову в шутливом поклоне.

– Пойдём уже. Опоздаем.

– Нет, Жень, я серьёзно, – продолжала она, догоняя учесавшую вперёд подругу. – Думаешь, Макс тебя заметит когда-нибудь, если ты просто будешь молча обходить его стороной и тихо и незаметно вздыхать? Действовать надо. Действовать!

– И что мне делать? Начать вешаться на него, как Савельева? – вспыхнула Женя.

– Ну зачем же сразу вешаться... Подойди к нему для начала, попробуй заговорить о чём-нибудь, спросить.

– Легко сказать... Да я как вижу его, так в голове такая каша, что только и могу, что краснеть и мямлить, как последняя дура, – разоткровенничалась вдруг она. – Не хочу быть очередной идиоткой в списке тех, что ежедневно строят ему

глазки, пытаюсь хоть как-то привлечь внимание.

– Ну, раз так, то позвони ему, например. Точно! Видеть же не будешь, – хохотнула Маринка. – Не знаю, придумай предлог какой-нибудь. Или вообще напиши... Хотя нет! Всё-таки лучше позвонить. Глядишь, пообщаетесь, найдёте общие темы. Он хоть за пустое место тебя держать не будет, внимание обратит, присмотрится.

– Ага, – Женька издала скептический смешок. – Дело за малым – всего лишь придумать предлог, который не покажется бы смешным. И раздобыть номер... Может, лучше во «Вконтакте» написать?

– Фи, Евгения! Я начинаю в вас разочаровываться... Соцсети – это банально и несерьёзно. Только живое общение, никаких переписок! Представляешь масштабы тех, кто ему в личку строчит? – В словах Марины определённо была логика. – А номер у Серого возьми, проблем-то...

– Не издевайся. Как ты вообще себе это представляешь? «Светик, дорогой мой братик, дай мне, пожалуйста, номер Макса, я тут решила поближе с ним познакомиться!» И ничего мне после не светит, кроме гадких усмешек. И хорошо, если только со стороны Серого. Так он же и Максусу сразу доложит!

– Иногда я тебе удивляюсь – вроде умная девочка, а такое городишь! Что, ну скажи мне, что тебе мешает залезть в телефон брата самостоятельно?! Так, чтобы он этого не узнал?

Женя остановилась.

– И под каким предлогом я позвоню Максиму? – нахмурилась она.

– Вот! Это уже другой разговор! – довольно улыбнулась Марина в ответ. – Предлог мы с тобой обязательно придумаем, как только достанешь номер. А сейчас идём, и правда опоздаем.

Вернувшись домой после уроков, Евгения весь день ненавязчиво старалась не выпускать сводного брата из виду, чтобы поймать момент, когда тот разлучится со своим мобильником. Святослав, удачно для её грандиозного плана, весь день провёл дома – видимо, сегодня у него не было ни футбольной тренировки, ни каких-либо других планов, требовавших покинуть стены родного жилища. Оказалось, что завладеть телефоном братца не так уж и просто, даже с условием того, что Светик почти всё время находился в поле зрения – он таскал мобильник с собой даже в туалет. Конечно, идея Маринки насчёт звонка Кедру всё ещё казалась Женьке полубредовой... Но ведь это действительно не мешало на всякий случай обзавестись номером старшеклассника, по которому она – пора признаться в этом хотя бы самой себе! – сохла весь последний учебный год.

Поймать нужный момент получилось только под вечер. Услышав, как в коридоре хлопнула дверь комнаты братца, Женя приоткрыла свою и увидела, как тот направился в сторону общей ванной, явно намереваясь принять душ. Это был

шанс! Как только Слава скрылся из виду, она вынырнула из своей комнаты и на цыпочках, что явно было лишним, но придавало большей уверенности, что никто не узнает о её поползновениях, направилась в сторону его комнаты.

В «апартаментах» сводного брата Женя почти не бывала, даже во время уборки всего дома. Как и он – в её комнате. По взаимной договорённости. Она осмотрелась, когда тихо затворила за собой дверь: типичная берлога молодого парня, и типичный для такой берлоги бардак. Нужную ей вещь Женька узрела на письменном столе, заваленном какими-то бумагами, карандашами и тетрадами, рядом с полупустой пачкой чипсов. Схватив телефон Славы, она уже собиралась влезть в список контактов, как её внимание привлекло ещё кое-что, притаившееся среди прочего хлама и небрежно прикрытое изрисованным листом бумаги. Она внимательно изучила находку – это была рекламная программка фестиваля начинающих художников, проводимого в соседнем крупном городе, и сулящего всевозможные бонусы участникам. Да, братец увлекался бумагомаранием в стиле манга-комиксов, это она знала... Рядом обнаружился и билет на автобус, датированный тем же числом, что и фестиваль.

Ага! Значит, Светик всё-таки не выкинул из головы идею связать жизнь с бесперспективным, по мнению родителей, занятием своими художествами! И, несмотря на то, что они настаивали на «синице в руках» и поступлении на юрфак местного института, продолжал втихую лелеять планы, свя-

занные с неодобренным предками «журавлём»... Женька злорадно ухмыльнулась, раскусив готовящийся план брата – родителям навешать лапши на уши о каких-нибудь очередных футбольных соревнованиях, а самому уколесить на свой занюханый фестиваль. Она разложила цветную брошюру и билет на столе, достала из кармана свой смартфон и сделала несколько снимков – такой компромат нельзя было упускать!

И только затем принялась за то, для чего вообще пробралась в комнату сводного брата. Но едва необходимый номер был найден и переписан в собственный мобильник, дверь в спальню отворилась.

3

Женя замерла, уставившись на Святослава, хмуро косящегося в сторону своего телефона в её руках. Он, завёрнутый в одно полотенце, уверенно подошёл и молча забрал мобильник. А она так растерялась, что и пикнуть не успела, как братец уже глядел на экран, где высвечивался компромат на самую Женьку.

Один-один, только и успело пронестись в голове Евгении, которая не сомневалась, что Светик правильно истолкует происходящее.

– И как же ты, Жендос, записала Максика себе? – Слава хитро прищурился, и резко выхватил из рук уже её телефон.
– Отдай!

Она кинулась к нему, но сводный брат был выше, сильнее, спортивнее, да и находился на своей территории.

– Любовь моя Максимка? Дорогой Максик? Милый Кедрик? – перечислял он варианты, уворачиваясь от фурией гонявшейся за ним по комнате сводной сестре.

– Бедный Йорик! – процедила сквозь зубы остановившаяся и запыхавшаяся Женька.

Ей надо было отобрать у братца свой телефон, во что бы то ни стало! Пока тот не увидел фотки, что она сделала несколько минут назад.

– Да читай, чего уж там, – Женя попыталась разыграть

спокойствие. – Всё равно просто так не отдашь...

И ожидающе сложила руки на груди.

Святослав удивлённо приподнял одну бровь. Но всё-таки устоялся на экран мобильного.

– Максим, – разочарованно произнёс он. – И всё?

– Собачьи клички оставьте себе, – фыркнула Женька. – Отдай, – она выжидающе протянула руку.

Но Слава, вроде уже положивший телефон сводной сестре на ладонь, в последний момент отдёргнул руку, и она схватила только воздух.

– А просто попросить не пробовала? Несанкционированное проникновение на частную территорию наказуемо законом. Нехорошо, Евгения, нехорошо, – деланно возмущался братец.

Женька проглотила чуть было не сорвавшуюся с языка реплику о том, кого юриспруденция потеряла в его лице. Сначала нужно было завладеть мобильником...

– Отдай. Пожалуйста, – как можно хладнокровнее произнесла она.

– А что мне за это будет?

– Узнаешь, как только отдашь.

– Врёшь и не краснеешь...

– Что ты! Как можно? – взбунтовалась она, притворно переигрывая.

Слава сощурился в ответ на явный сарказм сестрицы, но после недолгого раздумья всё же протянул ей трубу.

Женька схватила своё имущество, и, злорадно ухмыльнувшись, неожиданно дёрнулась к Светику. Он ничего и понять не успел, как полотенце, ещё кое-как державшееся на бёдрах после гонок по комнате, прилетело ему в лицо.

Какой чёрт дёрнул Женьку сорвать с братца полотенце, она и сама не поняла. Но соображать что-то было поздно, и она, миг отойдя от шока, резво кинулась к двери. Которая – вот зараза! – оказалась запертой. Видимо, Светик незаметно повернул защёлку, когда вошёл и застал Женю на месте преступления.

Секундной заминки, что случилась у двери, хватило Святославу, чтобы нагнать нахалку-сестру. Он схватил её брыкающуюся фигуру и с ходу повалил на кровать, прижимая так, чтобы та не смогла вырваться.

– Отвали, извращенец! – визжала Женька.

– Кто тут из нас ещё извращенец, Евгения...

– Ну, стриптиз тут явно не я показываю. Отпусти, а то закричу, – немного утихомирившись под тяжестью веса сводного брата, предупредила Женька. – То-то отец обрадуется, узрев твою голую задницу надо мной.

– По-моему, этого не надо ни мне, ни тебе, – сначала Святослав ослабил хватку, а потом и вовсе сел, прикрываясь сдёрнутым с кровати углом клетчатого пледа – до полотенца, валявшегося на полу, ещё надо было дотянуться.

Женька моментально подорвалась с кровати.

– Ну... я тогда пошла? – картинно захлопала она ресницами.

– Иди-иди, извращенка, – осклабился в ответ братец.

И только Женя собралась закрыть за собой дверь, как услышала вслед:

– Вот твой Бедный Йорик повеселится, когда узнает, чем мы сейчас занимались с его тайной воздыхательницей...

– Не узнает, – самонадеянно заявила Евгения, снова проходя в комнату и прикрывая дверь.

– Это почему же?

– Поэтому.

Вот и пригодился компромат! Раньше, чем хотелось бы, конечно... Она уверенно прошла мимо сводного брата к письменному столу, и кинула ему на прикрытые пледом колени брошюру и билет, выдернутые из стопки сваленных в кучу бумаг. А затем, нагло улыбаясь, поспешила ретироваться.

– А ну стой!

Святослав кинулся было следом, но вовремя осознал, что одно дело – гоняться за сестрицей почти в чём мать родила в закрытой от посторонних взглядов спальне, и совсем другое – по всему дому. А пока он, наплевав на трусы, натягивал первые попавшиеся под руку штаны, Женька уже заперлась в собственной комнате, облегчённо прислонившись к двери спиной и истерически хихикая.

Сходила, блин, за телефончиком!..

4

Светик не заставил себя долго ждать.

– Открывай! – раздался негромкий стук и звук его голоса по ту сторону двери.

– Я похожа на самоубийцу?

Женька, переведя дыхание, оторвалась от двери, ещё раз глянула на сохранённые в мобильнике фотографии, чтобы удостовериться, что они никуда не пропали, и запрятала телефон подальше.

– Открой, Жендос. Надо поговорить.

– Что, на самом деле так надо? – ехидничая, произнесла она в щель между закрытой дверью и косяком.

– Надо-надо! Поторгуюемся, – приглушённо доносилось с той стороны.

– Фи, Светик-семицветик... А я-то думала, что вы извиниться хотите.

– Извиниться?! За что? Ты ничего не перепутала, систер?

– Да не ори ты так, родители прибегут!

– Так открой!

Женя задумалась.

– Пообещай, что ничего мне не сделаешь!

– Обещаю! – поспешил заверить её Слава. – Всё, перемирие. Давай, Жендос, открывай.

Видимо, братец действительно не хочет, чтобы предки

узнали о его грядущей поездке, раз так переполошился, сделала вывод Евгения. Ладно-ладно, Светик-семицветик, так уж и быть, поторгуемся...

Она отомкнула запор на двери и впустила Славу в комнату. Тот вошёл, с нескрываемым скепсисом оглядев обстановку, плюхнулся на кровать. Женька села на крутящееся кресло возле стола и выжидаяще на него уставилась.

– Ну. Я тебя слушаю, – нагло заявил Светик.

– Ты? Меня? Нет, дорогой братец, это я тебя слушаю.

Он скривился. Сел поудобнее, закинув за спину ещё одну подушку и сложил руки на груди.

– Не надо, чтобы предки знали, куда я собираюсь поехать на следующих выходных, – выдавил он спустя время, поняв, что нахалка на самом деле ничего не собирает ему говорить.

– А я думаю, что надо. Ещё как надо! Совести у тебя нет, Светик, так поступать с родителями. Они столько надежд возлагают на будущего владельца собственной юридической конторы... – соловьём заливалась Женька.

– Всё, понял, – сдаваясь, поднял он руки. – Чего ты хочешь? Говори.

– Макс ничего не должен знать, – она в упор посмотрела на Святослава.

– О том, что ты на него запала? Не смеди мои подтяжки! – усмехнулся тот. – За собой бы лучше следила, Жендос, когда смотришь на Кедр глазами кота из «Шрека».

Женя поискала глазами, чем бы запустить в сводного брата, но ничего не нашла, и удовлетворилась убийственным взглядом. Она вдруг почувствовала себя той самой последней дурой. Бесперспективной дурой в хвосте очереди таких же дур, как она.

– Тогда ты мне поможешь, – брякнула Женька быстрее, чем успела подумать.

– М-м? – промычал Слава. – Стесняюсь спросить, чем?

– Ну-у... вы же с Максом друзья, так? Вот и помоги нам... Ну, то есть мне... – она попыталась правильно сформулировать запрос. – Помоги ему заинтересоваться мной. Вот. Придумай что-нибудь – ты же лучше его знаешь.

– Говорю тебе как человек, который действительно лучше его знает, – почти по слогам проговорил Слава, – держалась бы ты, девочка, от этого кобеля недоделанного подальше.

– А это уже мне решать, – гордо вздёрнула нос Женька. – Устрой нам свидание. Только по-настоящему! Так, чтобы он сам захотел на него пойти.

– Ты сама слышишь, о чём просишь? – искренне рассмеялся Слава. – Я тебе что, ведьма какая-нибудь из шоу экстрасенсов? Приворотами не занимаюсь! Да и вообще, Кедру от девок только одно надо – трахнуть по-быстрому, и свалить по-тихому. На хрена ему с тобой, малолеткой, связываться?

– Но с Ирккой Савельевой же связывается! – буркнула Евгения себе под нос.

– Так Савельева другого поля ягода, сама что ли не пони-

маешь?

Нахалка насупилась, напомнив Святославу нахохлившегося ежа, выставившего свои колючки. Молчала, крутясь в кресле туда-сюда, всё больше и больше его нервируя. И угораздило же её в Макса втрескаться! Он хмуро глянул на сестру – совсем ещё девчонка, пусть вроде и «оформилась» по полной программе. Дура малолетняя – всё туда же, запала на смазливую морду Кедр, как будто других парней нет... Хотя... другие тоже ничуть не лучше, всем им одно надо!

Но, с другой стороны, ему-то что? Сама ж хочет, никто не заставляет! А Кедр он, если что, намекнёт, чтоб руки не распускал и причиндалы свои при себе держал. Ну, сходят в кино там, или в «Макдак» – у Макса всё равно на большее фантазии не хватит. И чего только девки в нём находят? Пососутся немного, это можно, и даже нужно – полезно для здоровья, между прочим, учёными доказано. А потом – ариведерчи! Погорюет сестрица, порыдает, да забудёт. И это полезно – в следующий раз триста раз подумает, прежде чем западать на таких, как Кедр.

И предки будут спать спокойно, до поры до времени не подозревая о планах сына. Как говорится – и волки сыты, и целки... то есть овцы, конечно же, целы.

Приняв решение, Слава оглядел Женьку с головы до ног. – Ты себя в зеркало видела, систер?
Женя глянула на брата исподлобья.

– Ты б ещё бантик на макушку прицепила, честное слово! Как первоклассница! Понимаешь, – он поднялся и подошёл к ней. – Мы, мужчины... Нормальные мужчины, – зачем-то уточнил, поворачивая её кресло спиной к себе, – на вот это всё, – Святослав потянул Женьку за косу, – реагируем, как на табличку «не влезай – убьёт!»

– Мужчина, блин, – она выхватила косу, развернулась и вернула её на место – за спину. – В каком месте?

– Ещё раз показать?

Женька почувствовала, как щёки заливаются пылающим румянцем. Конечно, в суматохе она мало что «в том месте» рассмотрела. Но и этого хватило, чтобы понять, что Светик ещё какой мужчина!

– Давай так, – он сел перед ней на корточки и заглянул в глаза. – Хочешь, чтобы Кедр обратил на тебя внимание и пригласил на свидание – беспрекословно слушаешь Святослава Александровича. И делаешь всё, что он скажет.

– Ага. Разбежалась.

– Ну как хочешь. А предкам я и так собирался рассказать, – братец поднялся, явно намереваясь уйти.

Женя была уверена, что Светик блефует. Но всё равно окликнула, когда тот уже приблизился к выходу.

– Ладно, – выдохнула она, понимая, что это шанс, который нельзя упускать. – Я согласна.

Святослав, в свою очередь, не сомневался, что так и будет.

– И что я должна делать?

– Для начала пообещать, что родители ничего не узнают о фестивале, – он не преминул сразу же расставить точки над «и».

Женька закатила глаза.

– Само собой.

– Тогда по рукам? – Светик протянул ей свою лапу.

5

Евгения, больше для виду, конечно, ещё немного похмурилась, но вложила-таки свою руку в ладонь Славы.

Тот тут же схватил её, дёрнул, резким движением поднимая сводную сестру с кресла, и подвёл к большому зеркалу на дверце шкафа.

– А ну-ка, распусти волосы.

Женя послушно расплела косу, спускающуюся ниже лопаток.

– Вот так. Другое дело.

Светик даже помог ей, слегка пройдясь по чуть спутанным волосам пальцами, отчего по её спине побежали мурашки.

– Завтра пойдёшь в парикмахерскую – пусть обрежут.

– Совсем одурел?! – Женька резко развернулась, чтобы посмотреть сводному брату в глаза не в отражении, а вживую.

– Успокойся, систер! Ты же хочешь, чтобы операция «Бедный Йорик» прошла успешно?

– Чего?

– Операция «Бедный Йорик», говорю. Если тебе не нравится это название, давай поменяем, – лыбился Светик.

Клоун!

– Не паникуй, я же не говорю, что надо налысо побрить-

ся, – тем временем продолжил Слава. – Пусть будет по плечи. И форму пусть придадут, или как там это у вас называется. Покажут, как укладывать. И чтобы больше никаких кос – а то ты с ними совсем ботаник малолетний!

Она снова повернулась к зеркалу, чуть исподлобья глядя на своё отражение.

– Дальше. Косметикой пользоваться умеешь?

Женька пожала плечами.

– А чего не научишься?

– Да ну! – сморщила она нос.

– Да ну, – передразнил её новоявленный эксперт по соблазнению. – Давай-давай! Только боевой раскраски не надо! Но чуть-чуть можно, и даже нужно. И вообще, побольше всяких ваших женских штучек... То же самое с одеждой – поярче, покороче, пообтягивающей. Но тоже в разумных пределах – как шлюха не выряжайся! Но и вот это, – он ткнул пальцем в зеркало, показывая на свободный свитерок удобного покроя и немаркого серо-зелёного цвета, – не айс. Отца потряси, пусть денег подкинет – сходи прибарахлись. А я с Максом попробую чё-нить придумать. В школе к нему не подходи, рискуешь нарваться! Домой позову на неделю, может даже пару раз. Когда предков не будет. Посидим, поболтаем, чаёк попьём... Может и впечатлится твоим новым имиджем. А я ему потом намекну, что ты не прочь как-нибудь наедине пообщаться. Если сам не сообразит. Только не робей, веди себя естественней. Ты же умная девочка!

– И что б я без твоих советов делала?

– Ну... дело твоё. Но лучше, Жендос, не ерпенься, и всё будет окей, – Слава подмигнул сводной сестре в зеркало.

– Не называй меня так!

– Жендос? А я думал, тебе нравится, – заявил наглец, улыбаясь во все двадцать восемь. – Короче, не бойсь, систер. Но, если что, помни – я тебя предупреждал!

И он по-братски стукнул Женьку по плечу.

– Эй, поаккуратнее можно? – возмутилась та, потирая место хлопка.

– Всё. Давай, а то чувствую себя этим... как его... парикмахером лохматым...

– Зверевым что ли? – подсказала она.

– Ага, им самым. Фу, гадость какая... – Славу аж передёрнуло. – Мне срочно, просто жизненно необходимо вновь ощутить себя настоящим мужчиной, – он показушно напряг мышцы на руках и состряпал в зеркало выражение лица аля брутальный мачо.

Точно клоун!

– И только свежая орочья кровь поможет снова обрести мне веру в себя... Пойду стряхну пыль с залежавшегося без дела славного паладинского полуторника. Нордмар ждёт своего освободителя! – увлечённо нёс он какую-то чепуху, Женьке, не увлекающейся компьютерными играми, непонятную. – А ты обращайся, если что. За советом.

И ушёл, подмигнув на прощание и оставив её в одиноче-

стве пялиться на свою озадаченную физиономию в зеркале.

– Загорская, ну ты даёшь! – Маринка ржала как лошадь, не обращая внимания на взгляды проходивших мимо людей.

Уроки закончились, и девчонки, наслаждаясь погожим деньком, пошли прогуляться в сквер неподалёку от школы, купили мороженого и уплетали его, сидя на скамейке, когда Евгения поведала подруге о случившемся накануне инциденте в комнате Святослава и договоре, который они с ним заключили после.

– Подавишься, – рыкнула она на Маринку, и та действительно стала откашливаться, поперхнувшись мороженым.

– Накаркала, блин! – отдышавшись, выговорила та Женьке, стучащей по её спине. – Всё нормально, хватит.

– Пойдём, воды возьмём...

– Да сиди, потом, – отмахнулась Марина.

– И что мне теперь делать? – вернулась к теме разговора Женья.

– Шутишь? Делай так, как говорит Серый! Такого сообщника ещё поискать – уж он-то знает Кедра, как облупленного.

– Но это же Светик! – скорчилась та.

– Блин, Загорская, ты так говоришь, будто это дядя Сеня, а не твой брат!

Дядя Сеня был местной знаменитостью – всем известным бомжом-алкоголиком, обитающим в их районе, не совсем «дружившим» с головой, хоть и до жути безобидным.

– Да какой он мне брат!

– Какой-никакой, а в обиду тебя не даст...

– Мы сейчас об одном и том же человеку говорим, Лисицына? – наморщила нос Женька.

– Дура ты, Загорская...

– Сама такая...

– Сама такая, – передразнила подругу Марина. – Не видишь элементарных вещей у себя под носом – зациклилась на своём Максиме. Стадный инстинкт в действии, чесслово! Вы, девки, как стадо баранов...

– Овец, тогда уж.

– Точно, – подхватила она, – овец. Запали на него все разом, будто других парней рядом нет. Да тот же твой Светик, если уж сравнивать, поинтереснее Кедрова будет.

– Неужели? – Женька с вопросительной ухмылочкой уставилась на подругу.

– Вот представь себе! – ничуть не смутилась та. – Если б меня – чисто гипотетически – заставили выбирать между Кедром и Серым, я бы ещё задумалась, кого предпочесть. А знаешь почему? Потому что Слава – личность! – изрекла она, демонстративно подняв палец вверх. – А Макс – самолюблённый придурок. Но ты-то, понятное дело, этого видеть не можешь сквозь свои розовые очёчки.

– Не умничай! – Женька начинала раздражаться. – И вообще, тебе к Лисе не пора?

– Кстати, о Лисе ты вовремя вспомнила, – нахмурилась

Марина, поглядывая на время на экране мобильного. – Пора, ещё как пора. Опоздаю, снова по шарам получу. Задолбала она со своими репетициями!

– Блин... – досадливо изрекла Женька. – Ну хочешь, я с ней поговорю?

Леська – или Лиса, как она сама предпочитала, чтобы её называли – была старшей сестрой Маринки и идейным вдохновителем музыкальной группы, в которой обе сестры Лисицыны участвовали. Маринка в качестве соавтора текстов и одного из музыкантов (и это у неё очень неплохо получалась), а Леська в качестве вокалистки и композитора. Ежедневно они собирались у Лисицыных в полуподвальном гараже под домом, переоборудованным под репетиционный зал. Родители девчонок, когда-то отдавшие их обеих в музыкальную школу, и предположить не могли, во что она в дальнейшем выльется. Они не особенно поощряли, но и не сильно препятствовали увлечению дочерей рок-музыкой, здраво рассудив, что если уж их чада и интересуются подобным времяпрепровождением, то лучше пусть делают это дома, под ненавязчивым, но бдительным родительским присмотром. Да и не было бдительного присмотра, если честно – сутками предки Лисицыных пропадали на работе, по большей части предоставляя Маринку с Леськой самим себе.

Женя увлечения сестёр Лисицыных не разделяла – она была далека от всех этих мрачно-готических образов и тяжёлой музыки, которую те извлекали из своих инструментов

в компании троих парней панковатого вида, один из которых приходился им двоюродным братом. Но не имела ничего против, лишь иногда досадуя, что Лиса совсем прохода сестре не даёт со своими постоянными репетициями.

Женька с Мариной сдружились давно, с того самого момента, как Загорская перевелась в новую школу и под села за парту к одиноко сидевшей девчонке, тогда ещё выглядывшей совершенно обыкновенно – никаких крашенных в иссиня-чёрный цвет волос, прокола в носу и жирно подведённых глаз. И никакого неформального творчества и репетиций до поздней ночи.

Ох и натерпелись учителя, когда Маринка решила пойти по стопам старшей сестры! Но, с другой стороны, тропка была уже изрядно проторена Леськой, и младшей Лисицыной было немного легче отстаивать своё право выглядеть так, как ей хотелось. Как того требовала склонная к творчеству и свободе самовыражения натура. Конечно, в разумных пределах – всё-таки школа есть школа. Да к тому же Маринке многое сходило с рук, потому что она была разумной и талантливой девочкой, и, если бы не ленилась, могла бы быть круглой отличницей. Обогнав по успеваемости даже Женьку.

Вот такая у них получилась парочка – ботаник Загорская и неформал Лисицына были лучшими ученицами в классе, и обе выделялись из общей массы, «забивая» на мнение окружающих. Одна – тем, что бросала вызов своим радикально отличающимся от общепринятых норм внешним видом.

Другая – тем, что просто не хотела, ленилась, или даже боялась взрослеть, оставаясь девочкой-паинькой с картинки из школьного букваря. Макияж, модные стрижки, нормальная, женственно выглядящая одежда – всё, что бурно использовалось её сверстницами, Евгенией было не востребовано.

И вот настал момент, когда Женька решила на кардинальные перемены, а подруга её бросает...

– Да не парься ты – Артур всё сделает как надо! Только не забудь сказать, что ты от меня, а то без записи пойдёт подальше. И не свинти на полпути! Между прочим, к нему очередь на месяц вперёд.

– Подруга, называется! Нет бы поддержать...

– Ау! Ты как будто девственности лишаться идёшь, а не стричься, – усмехнулась Маринка.

– Да ну тебя! Иди уже к своим волосатым отморозкам!

– Но-но! Я попрошу без стереотипов! – шутливо пригрозила пальцем подруга.

Женька только закатила глаза в ответ.

– Всё, давай, увидимся ещё. Не дрейфь! – Маринка чмокнула её в щеку на прощанье. – И фотку пришли! Не терпится посмотреть на огламуренную версию зануды Загорской.

Женя лишь показала язык в ответ и отвернулась от удаляющейся фигурки в короткой чёрной юбке под кожу, полосатых гетрах выше колен и грубых берцах на ногах. Посидела ещё минут десять, доедая мороженое и морально подготавливая себя к походу к парикмахеру Маринки – та, как только

узнала, что подруга решилась-таки состричь косу, мигом записала её на этот же день, не давая опомниться и возразить. Может, и к лучшему...

И вот Женя, уже, наверное, в десятый раз глянув на время, вздохнула – пора! Грядущие перемены почему-то жутко нервировали её, хотя для себя она сразу же решила, что не откажется от них ни в коем случае. Вызов принят! Осталось только свыкнуться с изменениями, перетерпеть обязательно последующую после смены облика реакцию окружающих.

Она поднялась и пошла в противоположную той, куда убежала подруга, сторону. В салон, к мастеру по имени Артур, у которого та бывала ежемесячно, постоянно подкрашивая отросшие корни, а иногда и обновляя рваные края своей асимметричной стрижки.

6

– Ого! – Светик аж присвистнул, когда увидел Женьку с новой причёской. – А ты молодец, Жендос! Не теряешь времени даром.

– Отвяжись! – только и ответила она.

Слава демонстративно обошёл сестру, рассматривая её обновлённый внешний вид, когда та появилась в гостиной, спустившись к ужину. Подумать только, всего лишь расплела косу и состригла половину волос, а сразу стала выглядеть на пару лет старше! Что же будет, если её принарядить? Страшно представить...

Внутренне Женя ликовала – ей очень понравилось то, что сотворил с её волосами нахваленный Маринкой мастер. Им оказался разговорчивый и слегка манерный молодой человек, который не переставал восхищаться цветом её волос и заклинал никогда не окрашивать их. «Ты себе не представляешь, дорогая, сколько девушек хотят такой цвет! Чтобы и натурально, без желтизны, но при этом так же солнечно!» Странно, Женька всегда считала, что обладает среднестатистическими тёмно-русыми волосами – тривиальнее некуда! – а оказалось, что они имеют «восхитительный золотисто-солнечный отлив». Но, справедливости ради, парикмахер и правда оказался кудесником, и сейчас ей очень нравилось смотреть на своё отражение в зеркале, пусть было и

непривычно носить волосы распущенными. И хотя проходила она в таком виде всего лишь пару-тройку часов, желание заплести их в косу никак не оставляло Женю – привычка. Но она твёрдо решила сопротивляться ей. Как там... «игра стоит свеч»! И ещё «красота требует жертв». Только бы Макс обратил на неё внимание!

Пока новый образ Жени успела оценить только Лариса – мачехе всё очень понравилось, и хотя она, конечно, удивилась переменам, всё же постаралась не подать виду, лишь ненавязчиво и дипломатично похвалив выбор Женьки – стрижку, каскадом спадающую чуть ниже плеч.

– Дети, ужинать! – в гостиную тем временем заглянула сама Лариса. – Бегом! Сколько можно звать? Руки мыли?

– Ма-ам!

– Ла-ар!

Хором, с одинаковой интонацией произнесли «дети».

– Не мамкать! – донеслось с лестницы. Глеб тоже спешил к ужину, спускаясь со второго этажа.

Так повелось, что и Женя, и Слава называли не родных себе по крови родителей просто по именам. Уважительно, на «вы», но Глеб был просто Глебом для одного, а Лариса – просто Ларисой, или даже Ларой, для другой.

– Женька, а ну покажись, – увидел отец преобразование дочери.

– Да достали уже! – насупилась та в ответ.

Хранить хладнокровие при ожидаемом пристальном вни-

мании к её преобразению было гораздо труднее, чем она ожидала. И это только дома... Что же будет в школе, где каждая гиена обязательно отпустит тупую шуточку по поводу её волос – таков «закон джунглей». Терпение, только терпение...

– Ты как со старшими разговариваешь, мелочь? – притворно возмутился братец, ещё больше выводя Женьку из себя.

– Я тебя умоляю, отвали, а? – притворно взмолилась она.

– А ну-ка, брейк! Замолчали! – это был отец. – Дочь, да ты красавица!

Ну вот, опять. Вдох, выдох, вдох, выдох...

– Па-ап...

– Не папкать! – ну, конечно же, Слава был бы не Слава, если б промолчал...

Женька и Глеб выразительно глянули на Святослава, но его это ничуть не смутило – он лишь приподнял раскрытые ладони – мол, а я что, я ничего!

– Так, дети, – начал Глеб, присаживаясь за стол, и, судя по тону, начало это не сулило ничего хорошего.

«Дети» непроизвольно переглянулись. Что-то будет...

– У нас к вам серьёзный разговор.

– Да не пугай ты так молодёжь, – вмешалась Лариса, накладывая из общего блюда в тарелку сына тушёное мясо с гарниром. – Глянь, как напряглись.

– Тише, женщина! – конечно, такое обращение к жене

Глеб позволял себе только в шутку, но, тем не менее, оно означало именно то, что означало – когда говорит глава семьи, все остальные должны внимать. – У нас с матерью для вас новость. Хорошая или плохая – тут уж только от вас зависит, – многозначительно изрёк он и взял эффектную паузу.

– Ну не томите уже, а то кусок в горло не лезет, – подал голос Женькин братец.

– Слава! – укоризненно покачала головой Лариса.

– Вы знаете, что со следующей недели у мамы запланирован отпуск, – продолжил отец. – Я тоже решил, что мне не помешает немного отдохнуть от работы. Взять маму и умотать подальше от дурдома, который вы нам вечно устраиваете...

– За границу? – поинтересовался Святослав.

– Может быть, за границу, а может – и нет, – неопределённо промолвил Глеб. – Загвоздка в том, что мама боится оставить вас одних. Чтобы вы тут случайно или намеренно не поубивали друг друга.

– Да мы будем самыми дружными детьми на свете, да, Жендос?

– Постеснялся бы так открыто радоваться, – попыталась поддеть сводного брата Женька.

– А чего мне стесняться? Я нормальный современный чувак, который только и ждёт, когда наконец можно будет закатить мегатусу, пока предков не будет дома!

– Не ёрничай! – Лариса опять одёрнула сына, на этот раз уже более серьёзным тоном.

– Да нет, – возразил Глеб, – Слава правильно делает, что говорит обо всём прямо. Ведь мы все прекрасно понимаем, что так и будет. И поэтому сейчас я хочу от вас, – он поочерёдно оглядел детей, – честно услышать обо всём, чем вы собираетесь заниматься, пока нас с мамой не будет дома. И не надо возражений, я сам когда-то был молодым! Нимбы с крылышками оставьте и дальше пылиться на дальних полках в шкафах...

– Ох и загнул ты, Алексеич, – покачала головой Лариса.

– Ничего не загнул. Я хочу быть в курсе всего. И сейчас от вашей честности, – он снова задержал взгляд на каждом по отдельности, – зависит, поедем мы куда-то, или проваливаемся две недели дома на диване, не забывая контролировать все ваши действия и передвижения.

– Вот это я понимаю – демократия! – хохотнул Слава. – Ну что, Жендос, давай, выкладывай, что там у тебя по плану. Секс, наркотики, рок-н-ролл?

– Стрелки не переводи. Ни одним, ни другим, ни третьим не интересуюсь. В отличие от тебя.

– Да я как-то тоже мимо, – спохватился братец, ловя на себе ожидающий объяснений взгляд матери.

– Что, даже мимо первого? – не удержалась от шпильки Женька, на мгновение забыв, что разговор ведётся в присутствии родителей.

Ох и ответил бы ей сейчас Святослав! Но он-то не забыл, что рядом родной отец девчонки, которому очень не понравится то, о чём он сейчас с удовольствием поведал бы сводной сестрѐнке.

– Так, стоп! – вмешалась тем временем начинающая выходить из себя мать Славы. – Никакого секса, наркотиков и демократии! Что-то вы совсем заигрались! Теперь слушайте меня, – несильно хлопнула она по столу рукой. – Нас не будет две недели. Но телефоны и «Скайп» никто не отменял. Звонить будем в любой момент – и не дай бог, кто-то не ответит! Скажите спасибо, что камеры наблюдения не устанавливаем.

У «деток» чуть глаза из орбит не вылезли от слов о скрытом видеонаблюдении – это была бы катастрофа вселенских масштабов! Молодые и продвинутые родители – это, бесспорно, круто. Но не до такой же степени!

– Сейчас вы мне оба – подчёркиваю, оба! – продолжила Лара, – пообещаете, что чем бы вы тут не занимались в наше отсутствие, кого бы ни звали в гости, всё будет иметь чётко ограниченные рамки! Мегатуса отменяется, – выразительно посмотрела она на сына. – Спокойные дружеские посиделки – пожалуйста. Но чтобы ни одного разбитого стакана! Ни одного звонка от соседей, жалующихся на шум! Никаких сигарет и алкоголя. И не закатывай мне глаза, дорогой!

– Какие сигареты, мам? Ты же прекрасно знаешь, что я не в теме.

– Не ты, так кто-то другой. Чтобы ни запаха, ни намёка

на прожжённую обивку или пепел в горшках с цветами! Уяснил?

Слава согласно кивнул.

– Спрашивать буду с обоих, не разбираясь, кто и в чём виноват. Давайте, пора уже повзрослеть и научиться договариваться.

– Учёба, – подал голос Глеб. – Никаких пропусков, никакого попустительства, у вас обоих экзамены на носу.

– Так каникулы же! – снова подал голос Святослав.

– Каникулы – это неделя. Нас, возможно, не будет две.

– Пап, ну уж это само собой, – пообещала Женька.

– В общем, следите друг за другом и контролируйте, – подвела черту Лариса. – Я бы сказала – заботьтесь друг о друге, но, боюсь, это слово для вас пустой звук.

– Иначе о вас позаботится кто-нибудь другой, – чётко, чуть ли не по слогам произнёс Глеб.

«Дети» опять, не сговариваясь, разом уставились на него.

– Одна оплошность, и на время наших каникул погостить приедет тётя Наташа.

– О, нет! – Слава в притворном порыве закрыл ладонью лицо.

– О, да! – в тон ему произнесла Лариса. – Она уже предупреждена и готова перебраться к любимым племянникам в любой момент.

– Это контрольный в голову! Жендос, ты чего молчишь? Давай, нам надо сейчас синхронно строить глазки и обещать,

что мы будем самыми белыми и пушистыми созданиями на свете!

– Не знаю никаких Жендосов, – фыркнула на него сестрица.

– Намёк понял, Евгения Глебовна, – склонил в шутовском поклоне голову Святослав. – Так куда вы едете? – попробовал он вывести разговор в другую плоскость.

Но не тут-то было...

– Пока никуда, – как ни в чём не бывало, среагировал Глеб. – Да, мы забронировали места в отеле, но один звонок – и бронь можно отменить. Или перенести на день позже. Или на два. Или на неделю. Смотря сколько времени вам понадобится, чтобы убедить нас, что вы способны сделать всё, чтобы наш долгожданный отпуск прошёл спокойно. Чтобы мы не сидели на иголках, зная, что вы тут грызёте друг другу глотки. Или чего хуже...

– Пап, блеф – не твой конёк.

Это действительно произнесла она? Слава вдруг по-другому глянул на девчонку, до этого невнятно пробурчавшую лишь пару слов себе под нос. Внезапно он понял, что обрёл сообщника – в тот момент, когда уловил мимолётный, но очень красноречивый взгляд Женьки. «Заткнись! – кричал он. – Заткнись, и давай сделаем всё, чтобы предки свалили и даже и думать забыли о ненормальной тётке!»

– Ладно, шутки в сторону, – внезапно «посерьёзнев», промолвил Слава. – Мы и правда, уже не маленькие. Разберём-

ся. Даю честное пионерское, что мы будем исправно посещать любимую школу, со всем возможным рвением заниматься обожаемым домашним заданием, не устраивать умопомрачительно-развратных вечеринок, правильно питаться и не употреблять вещества из «списка хэ».

– Правда, поезжайте спокойно. Всё будет хорошо, – поддакнула Женя. – Думаю, мы на самом деле сможем договориться.

– И вообще, со вчерашнего дня мы дружим! Так ведь, Жень? – припомнил он давешний договор сестрице.

– Ага. Вот, Све... Слава даже пообещал завтра сходить со мной в торговый центр за покупками, – не растерялась та. – Совсем нечего надеть! Маринка занята на репетициях, а одной скучно...

– Да-а? – Лариса не верящим взглядом посмотрела на поперхнувшегося сына.

– Да, – подтвердил он. А что ещё оставалось делать? – Мне и самому кое-что надо глянуть в «Техномаркете». Видеокарта трюит, вот-вот навернётся, – он даже почти не соврал.

– Вот так кино, – изрёк Глеб, откидываясь на спинку и скрещивая руки на груди.

– А что – кино?! – возмутилась вдруг Женька. – Сами без конца твердите, что пора бы нам уже вести себя, как взрослые цивилизованные люди.

– Нет-нет, Женечка! Папа не это хотел сказать. Да, папа? – Лариса уставилась на мужа.

– Конечно, не это, – поспешил подтвердить тот.

– Так куда вы всё-таки собрались? – теперь вопрос прозвучал из уст сводной сестрицы, и Слава оценил, что она выбрала действительно удачный момент, чтобы задать его.

– В горы, в санаторий, – Глеб на этот раз удивительно легко ответил. Ещё бы! Мать Святослава всё ещё с укоризной смотрела в сторону супруга, сверля взглядом за неосторожную реплику.

– Не заграница, конечно, но зато – воздух, тишина, природа... – подхватила она, нехотя переводя тему.

– Так это лучше, чем всякие заграницы в миллион раз! – поспешил вставить и своё ценное мнение по этому поводу Слава.

– Конечно, лучше... А главное – недалеко.

Это-то как раз и понятно... Вот только почему именно сейчас, в марте? Странный выбор времени для отпуска... Но Святослав не стал заострять внимание на этой детали. Мало ли, что взбрѣдет в голову родителям, вдруг ещё передумают!

– Боже, я не верю, что я это делаю, – бурчал её драгоценный братец, роясь в куче женского шмотья на вешалках в магазине. – Может, эти? – снял он с перекладины очередные джинсы и показал Женьке.

– Фу, Светик! У дяди Сени и то приличнее.

– Заканчивай, Жендос, строить из себя ботана. Одеваешься, как монашка. Слушай Святослава Александровича, он плохого не посоветует.

– Ладно, давай примерю. Хотя... Может, всё-таки вот эти? Тут хотя бы дыры не такие огромные.

– Можно и эти. А ещё вот эти, и эти.

– На фига мне столько джинсов?

– Иди-иди... Выберем лучшие...

Да, они действительно попёрлись в ближайший торговый центр после уроков. Если бы Женьке ещё пару дней назад кто-то сказал, что она вместе с ненавистным сводным братом будет заниматься шопингом, она бы рассмеялась этому человеку в лицо. Но факт остаётся фактом. Каким-то образом всё повернулось так, что теперь они оба участвовали в целых двух заговорах, и были одинаково заинтересованы в их удачном завершении.

Святославу было нужно, чтобы родители не узнали о его предстоящей поездке. Ей – обратить на себя внимание Мак-

са. И братец помогал ей в обмен на молчание. Это раз. А также оба они были настроены на то, чтобы родители укатили в свой санаторий на целых две недели, одна из которых к тому же выпадала на весенние каникулы в школе – время, когда им представится возможность отвлечься и перевести дух перед последней четвертью, горячей порой в их выпускных классах. Это два. Ведь дальше учёба и предстоящие экзамены поглотят с головой, и на личную жизнь и развлечения совсем не останется времени. Несмотря на то, что и Слава, и Женя хорошо учились и числились среди лучших учеников в своих классах, и на радость родителей справлялись с учёбой сами, без репетиторов и дополнительных занятий, гонка под названием «госэкзамены» была испытанием даже для самых стойких.

И сейчас, ради «великой цели», вечно враждующие сводные брат и сестра оказались готовы сплотиться в команду, и сделать всё, чтобы родители поверили в их наладившиеся отношения и со спокойной душой свалили на свой курорт. И не просто свалили, а свели к минимуму опеку над своими «непутёвыми чадами».

– Чувствую себя героиней тупой американской комедии, – изрекла Женя, вертясь перед братом в очередном выбранном наряде.

– Это почему?

– А почему нет? Только навязчивой музычки «в тему» не хватает... Бред какой-то...

– А, по-моему, вполне, – оценил Слава её внешний вид. Женя ещё раз оглядела себя в зеркале.

– Мне не нравится. Посмотри, какие идиотские карманы!

И ещё я устала. И хочу есть.

– Окей. Как только ты выберешь, что из этой туевой хучи возьмёшь, – Святослав обвёл взглядом ворох одежды в примерочной, – мы идём на кассу, расплачиваемся, а потом – сразу на фуд-корт.

– А если я не хочу ничего из этой кучи?

– Какая-то ты неправильная девушка, Жень... – вздохнул Слава. – Ну взять хотя бы то, что сейчас на тебе. Что не так? Кроме карманов.

– Тебе нравится? – выжидающе посмотрела она на него.

– Ну-у... Вроде неплохо. Но прошлый вариант был лучше.

– А Максу понравится?

– Слушай, я сейчас открою тебе большой секрет – парням наплевать, во что ты одета!

– Тогда зачем это всё? – возмутилась Женька. – Ты сам себе противоречишь, братец!

– Не путай, систер. Если на тебе бесформенный мешок из-под картошки – это фу! А если на тебе что-то, обтягивающее одни нужные места, и приоткрывающее другие, это совсем другое дело, – с видом знатока изрёк Светик. – Но каким будет при этом барахло – синим, зелёным, серо-буро-малиновым, с какими-то блестяшками, или без них – всё равно. Так что бери уже что-нибудь, и пойдём. Надоело.

– Пайетками.

– Чего?

– Это не блестяшки, это пайетки.

– Да хоть х... – Слава под убийственным взглядом Евгения проглотил чуть было не сорвавшееся с языка универсальное ругательство, с нужным окончанием способное означать всё, что угодно.

– Хорошо, я беру это, – согласилась наконец она.

– Лучше предыдущее.

– А как же «мужчинам всё равно» и бла-бла-бла?

– Хорошо, бери это, – выдохнул он, и добавил, картинно воздев глаза к небу: – Боже, ты наконец услышал мои молитвы!

– Нет, всё-таки предыдущее...

– Убейте меня быстро, – обратился Слава к сидящему неподалёку от него мужчине, точно так же, как и он, сопровождающего девушку, решившую приодеться, – я больше не вынесу этого испытания!

Тот лишь пожал плечами, словно говоря «терпи, брат, это ещё не самое страшное».

– Шут, – буркнула Женька, снова скрываясь за занавеской примерочной кабины.

– Слушай, а что особенного в этом фестивале, что ты так стремишься туда попасть? – прожевав, поинтересовалась Евгения у сводного брата. – Не лень ехать за двести кмэ?

Они наконец закончили пытку под названием шопинг, купив Женьке пару новых джинсов, несколько джемперов по фигуре, футболок и даже платье для особых случаев, и сидели за столиком, поедая гамбургеры с картошкой-фри и запивая всё это колой – у Ларисы случился бы приступ, если бы она узрела огромные порции фастфуда, с таким аппетитом уплетаемые её чадами.

Святослав с каким-то странным умилением наблюдал за жующей сестрицей – сейчас такая непосредственность среди девчонок была редкостью. Все показушно пользовались ножами и вилками – издевались даже над пиццей, разрезая её на мелкие кусочки. Не позволяли себе съесть столько, сколько им действительно хотелось. Выпендривались, одним словом. Принцессы, какающие бабочками...

А эта... Наяривала себе «бигмак», не стесняясь перепахаться в соусе или хорошенько разинуть рот, чтобы как следует откусить от жутко огромного гамбургера кусок побольше.

– Жендос, ты – динозавр! – не выдержал он.

– Чего?

– Это комплимент, не парься.

– Охренеть у тебя комплименты, Светик!

Он поморщился, снова услышав своё исковерканное имя, но не стал ничего говорить. В отличие от сестры.

– И вообще, не называй меня так!

– Жендосом или динозавром?

– Никак! Что за мания всем давать прозвища?

– Так ты сама точно такой же манией и страдаешь, – резонно заметил сводный брат, намекая на её обращение к себе самому.

– Это – месть, – не растерялась Женька.

– Окей. Давай так – я больше не называю тебя Жендосом, ты – не уродуешь моё имя до недоразумения, тобою придурманного. По рукам?

– Почему – недоразумения? По-моему, очень даже мило... – как ни в чём не бывало скалилась нахалка.

– Капец, как мило! Детский сад, штаны на лямках... По рукам? – повторил он, выжидательно уставившись на неё.

Женька призадумалась.

– Не обманешь?

– Даю слово, Евгеша, что никогда не буду называть тебя Жендосом!

– Придурок, – она кинула в него полоску жареной картошки.

– Эй, ты чего?

– Дай слово, что не будешь коверкать моё имя. Никак! Никаких Жендосов, Евгеш и подобной дребедени!

– И никаких Светиков с твоей стороны, – Слава протянул руку.

– Хорошо, договорились, – Женя картинно пожала её, выдернув свою, когда ей вдруг показалось, что рукопожатие немного затянулось. – Так почему – динозавр-то? И каким

образом это комплимент?

– Забудь...

– Э, нет. Так не пойдёт, – она взяла полоску фри и демонстративно стала целиться в него.

– Эй, ты мне сейчас пятен наставишь! – возмутился Слава, который, сняв в помещении тёплую толстовку на молнии, остался в одной светлой футболке, но это не подействовало. – Ладно-ладно, – смирился он. – Таких, как ты, мало. Вымирающий вид. Динозавры, одним словом.

– Так динозавры давно вымерли, – словно невзначай заметила Женька, отправив в рот свой недавний снаряд.

– Я же говорю, забудь.

– Так что там с фестивалем? – она поняла, что всё равно не добьётся от Славы исчерпывающего ответа и вернулась к изначально поднятой теме.

«Таких, как ты, мало». Это действительно звучало, как комплимент. И почему-то очень радовало, что Светик вдруг с бухты-барухты этот комплимент сделал.

– Всё просто, – после недолгой паузы, будто раздумывая, стоит ли развивать эту тему, ответил брат, – там будут нужные мне люди.

Женька явно таким ответом не удовлетворилась, и в упор глядела на него, выразительно изогнув одну бровь.

– Среди членов конкурсного жюри будут представители нужного мне вуза. И велика вероятность, что они обратят на мои работы внимание, что может нехило так помочь в даль-

нейшем, – пояснил он. – Ну, я уж молчу о том, что там просто будет клёво!

– Ты серьёзно? А как же юридический?

– Чёрт, Жень, больная тема... – откинулся он на спинку стула.

– Не для тебя одного. Лара очень расстроится, если узнает, что ты забил на своё обещание и столько времени водил её за нос.

– А я не забил. Ничто не мешает мне попробовать силы сначала там, а потом, если попытка провалится, поступить на юрфак здесь. Сроки позволяют.

– То есть, если ты поступишь на свой дизайн, или куда ты там собрался, то просто поставишь мать перед фактом.

– Получается, что так.

Женька замолчала, переваривая информацию. Конечно, ей это казалось не совсем честным по отношению к Ларисе. Но и Славу она понять могла – родители как с цепи сорвались, весь последний год настаивая, что юрист – более престижная и востребованная профессия, а его творчество должно остаться в качестве хобби, не более. По их мнению, рисование, с которым хотел связать свою жизнь Святослав, – это что-то совершенно несерьёзное. Баловство, которое никогда не сможет принести ощутимых плодов.

– Вот вроде современные люди, – продолжил Слава, – а живут какими-то пережитками прошлого. Не понимают, что юристов да экономистов сейчас как собак нерезаных, и это

практически полностью обесценивает их труд. Что при такой конкуренции, даже будучи высококлассным специалистом, очень тяжело добиться определённых высот. Особенно если твои мама с папой обычные работяги. А офисный клерк – по мне, это не та цель, к которой надо стремиться... Тебе всё это тоже предстоит, – хмыкнул он. – Если, конечно, сама не выберешь серьёзную, по их мнению, профессию.

– Ну, их тоже можно понять... Они ведь как лучше хотят. Возможно, в своё время, их родители не настояли, не были тверды, как они сейчас с тобой. И сейчас каждый из них жалеет, что не выучился, когда был такой шанс. На юриста. Или экономиста.

– Это всё понятно... Но неужели они чувствуют себя не в своей тарелке сейчас, занимаясь тем, чем занимаются? Что-то я сомневаюсь, что мать променяла бы медицину на юриспруденцию или какие-нибудь финансы. Она бы и меня с удовольствием в мед отправила, но и сама прекрасно понимает, что я категорически не состоялся как человек, способный к медицине, – разоткровенничался сводный брат.

– Скорее всего, она жалеет, что сама не пошла учиться дальше, что не получила вышку, не стала врачом. Но у неё, как я поняла, и возможностей тогда не было.

– А у меня они есть. И, получается, мать пытается реализовать свои амбиции за мой счёт. Но почему-то никак не хочет понять, что дизайн – это будущее. Что всё, что нас окружает – автомобили, техника, здания, а не только шмо-

тьё и интерьеры, с которыми обычно ассоциируют слово «дизайн» – всё это когда-то было спроектировано художником. Придумано им. Нарисовано. И что в этой сфере простора для реализации амбиций гораздо больше, чем где бы то ни было.

– Благими намерениями... – а что ещё тут скажешь?

– Ладно, забей. Не бери в голову, разберусь как-нибудь. Только... – он вопрошающе посмотрел на сводную сестру.

– Не бойсь. Я – могила, – заверила его Женька, впрочем, не забыв тут же уточнить: – Пока наш договор в силе. Какой там у нас следующий шаг операции «Бедный Йорик»?

Слава усмехнулся.

– Не ожидал от тебя, Женд... прости, забылся... Евгения, – он кивнул, выражая почтение, – такого боевого настроя!

– Ты вообще меня плохо знаешь, дорогой братик, – характерным для неё жестом приподняла бровь та в ответ.

Вот уж действительно! Сестрица не переставала его удивлять. В тихом омуте, как говорится... Чёртики Женьки оказались довольно интересными созданиями. Стоило только немного треснуть скорлупе, в которой она пряталась от окружающего мира, как вдруг стало возможным разглядеть и настоящий живой ум (а он-то считал её чуть ли не пустышкой-зубрилой!), и наличие чувства юмора, и характер. Вместе с подкупающей непосредственностью, даже наивностью, и неожиданной привлекательностью, вдруг проступившей сквозь скучный образ отличницы, прятанной в балахони-

стых тряпках на пару размеров больше, получалась весьма интересная смесь! А может он и вовсе придумал эту скорлупу, сам не хотел разглядеть в Женьке нормальную, яркую девчонку? Хрен его знает... Но сейчас, после того, как каким-то невероятный образом сошлись звёзды, и у них наконец получилось по-человечески пообщаться, Святослав вдруг понял, что ему всё больше и больше нравится его младшая сводная сестрёнка, нравится проводить с ней время, нравится их живая болтовня, полная незлых подколов и перепалок. И это порождало странные ощущения: настораживало и одновременно притягивало ещё больше.

– А следующий шаг у нас – обещанная родителям мегатуса!

8

Остаток недели прошёл без сучка и задоринки. Слава и Женя были самыми примерными детьми на свете. Вовремя приходили домой, уделяли достаточно времени учёбе и помогали родителям с домашними делами. А самое главное – ни разу серьёзно не поцапались, дружелюбно вели себя за общими семейными трапезами, и даже – о чудо! – теперь вместе уходили по утрам в школу.

– Что-то не нравится мне это затишье, – Лариса привычно провожала взглядом в окно о чём-то беседующих детей.

Вот её сын что-то сказал Жене, та замахнулась на него сумкой, но это, скорее, была дружеская перебранка, чем ссора – они продолжали болтать, и явно с удовольствием смеялись над шуточками друг друга. Мимо промчался Максим на своём мотороллере, притормозил у общающейся парочки, но Слава, перекинувшись с ним парой слов, вопреки обыкновению не пристроился на сидение позади друга, а пошёл и дальше пешком, предпочтя сопровождать сестру.

– А мне не нравится твой скептический настрой, – произнёс Глеб, подошедший к жене у окна, чтобы глянуть, что именно её напрягает. – Ты же сама утверждала, что им нужна общая цель, чтобы наконец стать командой. Мы дали им эту цель – и результат налицо. Причём, результат, превзошедший все ожидания.

– Вот это-то и удивительно! – повернулась Лара к мужу. – Что-то уж как-то быстро они превратились из врагов в лучших друзей.

– Ну, я бы не был столь категоричен... Не исключено, что тут присутствует и игра на публику.

– Считаешь, что мы поступаем правильно, оставляя их сейчас одних?

– Я считаю, что нам с тобой действительно пора отдохнуть. И от детей в том числе! – настоял на своём Глеб. – Они далеко не малыши, требующие постоянного присмотра. Я в возрасте Славика уже вкалывал всю семью помогая. Слишком много опеки тоже не есть хорошо. И, честно говоря, у нас замечательные дети! Которым я доверяю. С оглядкой, но доверяю.

– Да кто ж спорит, что они замечательные. Но вспомни себя в их годы!

– Чего ты боишься? Думаешь, они и без нашего отпуска не попробуют курево и алкоголь? Все через это проходят. И более того, я уверен, что всё уже давно перепробовано. Святославом уж точно. И, судя по всему, он сделал правильные выводы. И Женя сделает такие же, я не сомневаюсь. Она определённо неглупая девочка.

– Умом-то я это понимаю, но тут, – Лариса хлопнула по груди, – беспокойно. Да и курево с алкоголем – далеко не самые страшные вещи, которые могут попробовать подростки. Глеб обнял жену.

– А о более страшных мы с ними обязательно побеседуем перед отъездом. По отдельности с каждым. Славу я беру на себя, поговорим по-мужски. Хотя, я думаю, ничего нового я ему не расскажу, – усмехнулся он. – А вот Женька ещё совсем зелёная... А тут ещё все эти... преобразования, чёрт бы их побрал! Честно говоря, не думал, что моя дочь такая... взрослая!

– Рано или поздно, но это бы произошло, – поспешила успокоить супруга Лариса. – Все девочки когда-то превращаются в девушек. А Женя ещё и припозднилась с этим – посмотри хотя бы на её подружек.

– Этих темноволосых с серьгами в носках? Тьфу...

– Ну, это мода, – отмахнулась Лара. – Проходящее... Я тоже поговорю с ней, не переживай. И насчёт мальчиков в том числе.

– Насчёт мальчиков – в первую очередь! Я бы и сам, но...

– Не стоит. Уверена, с этой стороны подвоха нам пока нужно ждать меньше всего.

– Будем надеяться! Главное, чтобы они нас услышали. И чтобы кнут, после такого лакомого пряничка, как каникулы без родителей, не понадобился...

– Ты чего насупилась?

– Отвали!

– Эй!

– Блин, он даже не посмотрел на меня! Не поздоровался!

И на хрена я ежедневно выражаюсь?

– Ох, Жендос... – Слава по-братски приобнял сводную сестру за плечи.

Она поспешила скинуть его руку с себя.

– Ты опять? – возмутилась она его обращением.

– Прости-прости! Виноват. Но я честно стараюсь искоренить эту пагубную привычку.

– И вообще, мог бы ехать с Максом, Ларе всё равно уже ничего не видно.

– А может, я хочу пройтись пешком... – разулыбался Святослав.

– С каких это пор?

– С сегодняшнего дня. Где твоя подружка-то?

– Маринка? Её сегодня не будет.

– Заболела что ли?

– Нет, – отмахнулась Женька, – всё нормально, какая-то неотложная семейная поездка. А тебе-то что?

– Ну... она же будет у нас в пятницу? И сестрицу свою полоумную пусть захватит.

– Так Леська с тобой учится, – фыркнула сестрица, – сам её и зови. И вообще, я не хочу никаких мегатус, я тебе уже миллион раз говорила! И родители...

– Да не будет никаких тус, – остановился Слава, – успокойся. Я притащу Макса и ещё пару парней. Исключительно для массовки. Ты возмёмшь своих сатанисток...

– Совсем сбрендил! Они не сатанистки!

– Да неважно. Пусть приходят. Можешь ещё парочку девчонок прихватить. Только не эту шалаву Савельеву! – предостерёг её сводный брат, что явно было лишним, Настька и так была последним человеком, которого Женя хотела бы видеть рядом с Максимом. – Закажем пиццы, возьмём пива. Посидим, пообщаемся, музыку послушаем, расслабимся. Это ж идеальный повод для сбора – предки свалили на курорт! Бедный Йорик и понять не успеет, что угодил в хитро расставленные на него сети.

– Боже, с кем я связалась! – возвела глаза к небу Женька.

– Да-да, я прирождённый стратег, – скорчил высокомерную мину Светик.

– Шут ты гороховый!

– Ну зачем же так грубо, Евгения?

– Что, правда глаза колет?

Слава только неопределённо покачал головой в ответ.

Стратег, блин! Посмотрим...

Родители укатили на вокзал рано утром, ещё до того, как Слава с Женей ушли в школу. Накануне каждый из детей четы Загорских не избежал «серьёзного разговора», и каждый пообещал вести себя хорошо, не употреблять ничего запрещённого, не заниматься ничем предосудительным и не забывать приглядывать друг за другом. Предки обещали звонить и проверять, дети клялись, что проверять будет нечего. Но как только за родителями захлопнулась дверь, стали обсуждать свой коварный план грандиозной тусовки. Ну, то есть, конечно же, скромных дружеских посиделок!

Последний учебный день перед весенними каникулами был бестолковым и коротким, даже уходить с последних уроков не пришлось – их неожиданно и весьма кстати отменили. Сразу после школы Слава с Женькой смотались в ближайший супермаркет, набрав там закусок, взяв немного фруктов и кое-что из напитков. К шести была заказана доставка пиццы и роллов. Выпивку покрепче соков и колы должны были притащить друзья Славы – в местном супермаркете, где практически всех постоянных посетителей знали в лицо, им с Женькой, несовершеннолетним, всё равно ничего бы не продали. Ну а на крайний случай, в доме Загорских имелся пусть и небольшой, но всё-таки вполне реальный запас алкоголя – Лариса постоянно таскала с работы презенты от бла-

годарных пациентов. Конечно, прикасаться к нему было creatively, поэтому хотелось бы не идти на столь крайние меры.

Женька заранее договорилась с Маринкой, позвав их с Лисой к себе, но взяв твёрдое обещание не тащить за собой парней из группы – это было бы слишком! Потом подумала и накануне пригласила ещё двух девчонок из класса. Для массовой, как выразился Светик.

Ближе к вечеру она принарядилась в новые, искусственно протёртые в нескольких местах джинсы и светлую обтягивающую футболку с чёрно-белым принтом – простенько, конечно, но вырядаться на домашнюю вечеринку, напяливая платье или короткую юбку, посчитала лишним. Со всем немного подкрасилась – косметика была приобретена и опробована ещё неделю назад. Уложила волосы – потихоньку Женька привыкла к новой причёске и уже не чувствовала дискомфорта. И спустилась вниз, в смежную с кухней гостиную, где Светик уже химичил с едой, раскладывая по тарелкам мясную и сырную нарезки из супермаркета.

– Ого, Евгения! – присвистнул он.

Почти перестав употреблять ненавистное ей прозвище, он стал чаще называть её полным именем, чем более привычным для всех упрощённым вариантом – Женя. И пока она так и не поняла, нравится ли ей это, или всё-таки раздражает.

– У тебя, оказывается, и сиськи есть! – подмигнула Слава Женьке. – Йорик будет сражён!

Сначала она хотела, как обычно, съехидничать что-нибудь

зубоскалящему братцу в ответ, но почему-то передумала. Настроение было приподнятым. Небольшое волнение хоть и присутствовало, но было, скорее, приятным и будоражащим. И совсем не хотелось занудствовать. Да, у неё, чёрт возьми, есть сиськи! И она рада, что это стало заметно!

И да, она сегодня будет пить и веселиться наравне со всеми! К чёрту всю эту набившую оскомину правильность, ей до зубовного скрежета надоело быть паинькой.

– Есть хочу, – сказала Женька вместо этого, и стянула кусок сыра с тарелки, присаживаясь на высокий табурет у небольшого стола-стойки, разделяющего кухню со столовой, плавно переходящей в гостиную.

– Я не понял, женщина, – возмутился Слава. – Ты помогать будешь?

– Отстань, а? Успею, – жуя, произнесла она. – Там в холодильнике, по-моему, вино было открытое...

– Не рановато? – удивился братец.

– Не нуди, Слав! Давай выпьем?

– Ну давай, если так не терпится, – Святослав достал початую родителями бутылку вина из холодильника, взял бокалы из кухонного шкафа, поставил их перед Женькой и налил по половине в каждый.

И всё-таки их предки ещё те демократы! Все уши прожужжали о том, чтобы дети не пили ничего алкогольного в их отсутствие, а сами оставляют открытую бутылку в холодильнике...

– Смотри мне, систер! Держи свои аппетиты в руках. Нянькаться с тобой не собираюсь, – предупредил он Евгению.

– Спокойно, бразер, всё под контролем, – Женька была уверена, что так будет и дальше. – Давай, за примирение.

– За удачное завершение операции «Бедный Йорик»! – ухмыльнулся Слава и чокнулся с ней своим бокалом.

Но всё пошло не так...

Вернее, момент, когда всё пошло не так, Женя прозевала.

Нет, началась вечеринка более чем круто. Принесли пиццу, сразу после этого подтянулись сёстры Лисицыны, слава богу, без своих сопровождающих – Женька боялась, что Леська не услышит её просьбу и приведёт ребят с собой. Конечно, она не раз присутствовала на репетициях в гараже и была знакома с парнями из группы, но всё же немного побаивалась их компании. Во-первых, они были старше девчонок, кто-то учился где-то в городе, кто-то обходился без этого, но школу уже пару лет как закончили все трое. Во-вторых, они не стеснялись в выражениях, смолили как паровозы, были любителями выпить пива или чего-нибудь покрепче. А у себя дома Женька подобную компанию видеть хотела меньше всего, особенно после предупреждений родителей. К тому же опасалась, что парни из группы, не дай бог, могут зацепиться с друзьями Славы из-за какой-нибудь мелочи, как это обычно бывает, а разборок в доме ей не хотелось ещё больше.

Леська с Маринкой помогли накрыть некое подобие стола-фуршета в гостиной к тому моменту, когда подтянулись все остальные. Макс пришёл в компании их со Светиком одноклассников. Антон и Серёга, кажется, так их звали. Потом

подтянулись девчонки из Женькиного класса. Позже подошли ещё пару парней и девушек – знакомых Славы. И по-неслось...

Болтали, шутили, произносили короткие тосты, выпивали, ели. Слушали музыку, даже танцевали. Всё, как всегда.

Приятное тепло в теле Женьки от выпитого вина вскоре сменилось небольшим головокружением. Было как никогда легко и весело. Она сама от себя не ожидала, что так просто заговорит с Йориком... ну, то есть с Максимом. Что-то упоённо несла ему, и тот, к её великой радости, сначала внимал и поддакивал, а затем, найдя в её лице благодарного слушателя, стал рассказывать о своих футбольных достижениях, критикуя какие-то новые правила и судейство на соревнованиях, и о прочей не совсем интересной Женьке чуши. Потом, откуда ни возьмись, появилась гитара – Слава когда-то пытался брэнчать на ней, но быстро забросил, а инструмент остался и ждал своей участи где-то в кладовке. Гитара перекочевала в руки Лисы, и та, наскоро настроив инструмент, блеснула своим талантом – сыграла и спела несколько песен их с Маринкой сочинения. Песни были мрачноватыми, но всем понравилось – что ничуть не удивляло Женю, она-то знала, что её подруги действительно талантливые девчонки.

К ночи компания расплзлась на отдельные кучки по всему дому, кто-то приходил, кто-то выходил на улицу покурить. Женька узрела какие-то новые лица, но ей уже было всё равно – впервые в жизни она позволила выпить себе так мно-

го, и сейчас на неё накатила незнакомая до этого момента эйфория... Наконец она почувствовала себя по-настоящему взрослой – влилась в компанию, где никто не считал её малолеткой, ботаном, не язвил и не отпускал шуточек по этому поводу! Наконец общалась на равных с парнем своей мечты!

А потом... потом, решив сходить в туалет наверху, она случайно наткнулась на обжимающихся за углом у лестницы Светика и Лису, явно притормозивших на пути к спальне брата. Женьку этот факт неприятно царапнул. Очень неприятно. Она и сама не могла понять – что не так? Сводный брат явно давно уже не вёл целомудренный образ жизни, да и какое ей было дело до его любовных похождения? Каким образом они её касались? Да, то, что его избранницей вдруг стала старшая Лисицына, было обстоятельством неожиданным, даже странноватым, но не более... Но Жене почему-то был неприятен сам факт, что Слава... с кем-то... дома...

Но всё это было цветочками по сравнению с тем, что ожидало Евгению по возвращении вниз. Спустившись в гостиную, она узрела младшую Лисицыну на коленях у Макса... Нет, сомнений не было – подруга явно находилась там по доброй воле, причём, весьма неплохо себя при этом чувствуя. Максим и Марина бесстыдно, не обращая на веселившийся вокруг народ, целовались, не отрываясь друг от друга ни на секунду.

Женьку чуть не стошнило...

Это было... как обухом по голове. Парень её мечты и её лучшая подруга.

Это было противно.

От праздничной эйфории не осталось ни следа. И Женьке вдруг невыносимо захотелось если не вернуть её, то хотя бы заглушить гадкое саднящее чувство, разрастающееся где-то внутри. Она присоединилась к Серёге с Антоном, глушащим коньяк с колой, и лихо пила, не отставая от них, впадая в какую-то непонятную протрацию...

Пока её вдруг на миг не выдернул оттуда Святослав, в прямом смысле слова вырвав из рук одного из парней, который недвусмысленно к ней прижимался, пытаясь облапать. Буквально упав в руки сводного брата, девчонка снова словно впала в небытие, придя в себя лишь позже, на свежем воздухе.

Всё под контролем, конечно!

Святослав был зол. Нет, он был в бешенстве! Злился на непутёвую сводную сестру, наклюкавшуюся хуже некуда. Злился на себя, что отвлёкся, что не уследил. Чувствовал себя ответственным за её теперешнее состояние. А что будет, если к тому же предки узнают?..

Чёрт! Ботаник Жендос вела себя совсем не как ботаник! Надо было ему раньше задуматься о том, что от внезапно повзрослевшей Женьки-красотки не стоит ожидать поведения, укладывающегося в рамки Женьки-зануды ещё недельной давности! Вот, теперь расхлёбывать.

– Больше... не могу... – простонала та где-то внизу.

– Давай-давай, Жендос. Я в тебя верю, – пытаюсь усмирить собственное раздражение, выдохнул Слава.

– Не называй... так... ты обеща-а-ал...

И её снова скрутил спазм.

Свежий воздух, холодный душ и два пальца в рот – самые действенные, как подсказывал его опыт, способы прийти в себя, если переборщил с алкоголем. С душем, конечно, вряд ли что-то получится, но воздух и устную инструкцию, как воспользоваться пальцами – это то, что Слава сумел обеспечить Женьке. А ещё жилетку для пьяных слёз-соплей. И пару свободных рук, чтобы не дать свалиться носом в клумбу

во дворе за домом и подержать волосы.

– Кажется... всё... – спустя несколько минут снова донеслось до него.

– Точно всё?

– Не знаю... пло-о-охо...

– Конечно, плохо. А ты как думала?

– Сучка-а-а... А ещё говорила... что ты ей нравишься больше... Серый, говорит, личность! – внезапно сестрицу «пробило на хи-хи».

– Личность-личность, – поддакнул он.

– А ты такой же... мудака... фу-у, отстань... личность...

– Тихо-тихо. Поднимайся, давай, специалист по мудакам.

Идти сможешь?

Слава попытался поставить Евгению на ноги, но сестрица стала заваливаться без поддержки. Рассудив, что из этого ничего не выйдет, он обречённо вздохнул, подхватил её на руки и понёс в дом.

– А пахнешь вкусно... – проямлила Женька, уткнувшись куда-то ему в шею.

– Ага, для тебя старался, – раздражение постепенно сходило на нет, сменяясь здоровой иронией.

– Не-е-ет... для Лисы... фу... она же сатанистка... и Маринка... сучка...

– Ох, молчи, Женька! Хуже базара пьяной бабы ничего нет. Потом жалеть будешь.

– Я ещё... уже... снова не пьяная... Сам ты баба! – про-

тестующе дёрнулась она.

– Дед. Дед Мороз, – произнёс Святослав в ответ, спихнув сводную сестру с рук на освободившийся диван в гостиной. – Лежи и не вставай!

– Ты куда?.. К сатанистам?.. – встрепенулась та. – Но ты же не такой... я думала, ты такой... а ты не такой... ты... ты хороший!

– Невообразимо, просто фантастически приятно! – не смог не съязвить в ответ Слава.

– Куда ты? – не отставала от него сестрица, хватая за одежду.

– Пойду прогоню сатанистов, и вернусь, – успокоил он её.

– Точно?

– Обещаю.

– И Йорика?

– И его.

– Урод... пусть валит к своим сатанистам... козёл...

Слава и правда занялся выпроваживанием оставшихся в доме знакомых. «Сатанистки» Лисицыны ушли сами, когда именно – он, и не заметил. Кедр тоже свалил по-тихому, когда сам Святослав был занят сестрицей. Заперев двери, он прошёлся по этажу, собрав оставшийся после вечеринки мусор в большой пакет, свалил грязную посуду в раковину, резонно решив, что более тщательную уборку можно оставить на завтра. Глянул на время – четыре с лишним. Подошёл к дивану с притихшей Женькой. Думал, что та уже вырубилась.

лась, но не тут-то было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.